

Виктория Горнина

Муравейник

Виктория Горнина

Муравейник

«Автор»

2026

Горнина В.

Муравейник / В. Горнина — «Автор», 2026

Это очень старый текст. Что он пылится в столе? Пусть стоит. Жизнь
общегития с его проблемами, с разными людьми и судьбами.

© Горнина В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. А ты говоришь ремонт...	5
2. Муравьиный сон	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Виктория Горнина

Муравейник

1. А ты говоришь ремонт...

Я не успела свернуть во двор, как соседская девчонка бросилась мне навстречу:

- Теть Тань, теть Тань...- крутилась ужом под ногами Анжелка. - Тетю Свету... Теть Свету сегодня выгнали. Вот, смотрите, смотрите.

Радостный восторженный тон, надо полагать, скорее от выпавшей удачи первой сообщить новость кому-то из взрослых, чем от самой новости. Да, хорошего здесь мало.

- Я сама видела. Я тут была. Тут... - указывает Анжелка в сторону качелей. И сама едва не подпрыгивает от переполняющих ее эмоций. – Прямо с утра, теть Тань...

Утро – понятие растяжимое. Для Анжелки утро это когда нас всех давно след простыл. Ей теперь не надо подниматься ни свет ни заря и спешно собираться в садик. По той простой причине, что за Анжелкой приехала бабушка. Через неделю, ну, может, чуть больше, Анжелка поедет в деревню – об этом знают все.

Когда она вышла гулять? Наверное, часиков в десять – по ходу вычисляю я.

- Смотрите, смотрите, вот...

Возле подъезда валяются тумбочки – вернее, то, что от них осталось. И мебелью это назвать язык не поворачивается. То есть когда-то скорбная кучка полированных ДСПэшек представляла собой две вполне приличные прикроватные тумбочки. С тех пор ручки-дверцы отвалились – может сами, а может, им помогли отвалиться, полировка вздулась матовыми пластинами на манер отслоившихся ногтей, следом скособочился каркас – но факт, что несчастные развалюхи знакомы мне давно – это явно из Светкиных апартаментов. Значит, Анжелка не врет. Вернее, не сочиняет.

- Тут даже книжки остались, теть Тань...

Истрепанные детские книжки – они Максимкины. Сам Максимка – пятилетний диковатый смугленький мальчик, Светкин сынок.

Она хоть документы догадалась взять? – я роюсь среди книжек. Попадают какие-то бумажки, салфетки, конверты, но документов, слава богу, там нет. Наверное, взяла. Не совсем же она...

- А кого туда вселили, Анжел?

- Не знаю, теть Тань.

- А куда тетя Света пошла?

Я на всякий случай оглядываюсь по сторонам. Светке некуда идти. Это абсолютно точно. Быть может, она где-то здесь, недалеко. Не могла она взять и пойти, куда глаза глядят. Или могла? Но скамейки по периметру двора заняты совсем другими людьми. Ни светленькой женщины с раскосым взглядом, ни мальчика с заячьей губой.

- Не знаю, теть Тань. – грустнеют анжелкины глаза.

На миленькой бесхитростной мордашке написано - всё что знала – рассказала.

- Это с четвертого подъезда туда въезжали, Тань. Мы их не знаем. – откликается соседка.

Она вырывает из-за угла с коляской. Поднатужась, преодолевает пандус. Я неожиданно легко распахиваю перед ней дверь. Пружина сорвана. Значит – таскали громоздкие вещи. А затем, как водится, лень было всё вернуть в исходное положение. Она права – в нашем подъезде все друг друга знают. Выходит – нашлись желающие со стороны. Из тех, кто ни сном, ни духом. Никто из наших на это не пошел бы. Хотя, как знать...

- Мы как раз в поликлинику собирались... Крику было....

У Светки напрочь отсутствовала привычка смотреть в глазок прежде, чем открыть дверь.

- Здесь чужие не ходят. – это недовольно бурчавшим соседям.

- И брать у меня нечего. – вдогонку и с вызовом им же.

Это была самая настоящая правда, одна только правда и ничего, кроме правды. В большой комнате - старая общежитская рухлядь. Так, необходимый минимум. Драгоценностей тоже никаких. И откуда им взяться? На работу Светка забила давно, а на детские пособия не вот разбежишься.

Итак, в дверь позвонили – она открыла. Двое плотных мужичков весьма решительного вида - только бритых затылков им не доставало, оттерли Светку в сторону, быстро миновали прихожую и очутились в большой Светкиной комнате.

- Эта комната 24 и 7 квадратных метра?

- Да... - слабо вякнула Светка.

- Вот ордер.

Ей ткнули в лицо какую-то зеленую бумажку.

- Твое все? – огляделись мужички - Освобождай помещение. Прямо сейчас.

- Мы тебе поможем.

Пока один из визитеров втолковывал оцепеневшей Светке создавшееся положение, другой подошел к кровати, где, затаив дыхание, глазел на происходящее мальчик. Подошел, потрепал испуганного Максимку по голове. Тепло так потрепал, нежно, по-отечески.

- Поднимайся, дружок.

Тут из ступора Светка вышла сама, завизжав внезапно и громко:

- Не трогай ребенка, не прикасайся к нему, отойди сволочь, я сказала - не трожь...

Отчего склонившийся над Максимкой мужичок отскочил, едва не опрокинул тумбочку, еле устоял сам, в последний момент удержав-таки равновесие, и с досады плюнул на пол.

- Никто его не трогает, дура...

- Сам дурак. – отчаянно выдохнула Светка. – Я никуда не пойду. Куда я должна идти?

- Это ты там разбирайся – куда тебе. Мы-то здесь причем. У нас ордер на руках.

- Вы не можете... не имеете права... у меня двое детей... - голосила Светка.

- У меня тоже двое.- начал заводиться мужичок - И что? Иди сама выясняй, куда тебе деваться. Я что ли за тебя пойду? У меня ордер вот. Так что выметайся.

- И выясню, все, все выясню. – причитала Светка - Сейчас же пойду. Сами убирайтесь отсюда.

- Нет, ты что не поняла? Мы переезжаем сегодня. Вот в эту самую комнату. - внятно с расстановкой наступал один, его поддержал другой:

- Да меня с работы отпустили. Пошли навстречу. Брату помочь. Слыхала? Так что – давай. Манатки собирай свои. А то сами соберем – мы люди не гордые.

- Мебель таскали целый день. Шкафы, столы... Замки меняли. – продолжает соседка - Сверлили, стучали...

- Прямо так и въехали – без ремонта? – удивляюсь я.

В моей голове почему-то прочно засело – раз переезд – как без новых обоев? Столь легковесный аргумент разбивается вдребезги немедленно.

- Им главное было – занять. Какой ремонт?

Действительно, с некоторых пор, а точнее, как только стали давать ордера, напряжение едва ли не зримо повисло в воздухе.

Сначала администрация заявила весьма недвусмысленно и без всяких шуток – кто не работает в системе – освободить помещение. Под системой подразумевался естественно сам

комбинат и вся его сопутка – а ее на самом деле было - раз, два и обчелся - детский садик да сами общежитские службы. Время для раздумий отколовшейся части жильцов отпускалось немного, но вполне достаточно, чтобы привести в соответствие свой рабочий статус.

- Не вернусь я на комбинат – и не уговаривайте - заявила Светка. – Что я там не видела? Опять кости тухлые ворочать? Нет уж, спасибо.

- Уборщицей устроййся здесь, Свет. Возьми один или два подъезда. Работы на два часа в день. Зато комнату за собойкрепишь.

Казалось выражение ее лица сменилось с полностью отсутствующего на заинтересованное. Но не на долго.

- Это мне тогда мусоропровод придется выгребать. Да там сам черт ногу сломит. Не буду.

Продолжала капризничать и упираться Светка все два отпущенных на раздумья месяца, и все эти два месяца ее уговаривали практически всем подъездом.

- Ты хотя бы на это время устройся, пока с ордерами вся канитель не пройдет. Акрепишь жилье - потом делай, что хочешь. – вешали соседки, сменяя одна другую, а толку от таких уговоров было мало. Вернее - не было совсем.

- Я сама все знаю. Что пристали? – под конец огрызалась Светка.

Ее действительно достали – ходили по пятам, пытались вразумить, объясняли одно и то же по десять раз на дню. Она лишь раздраженно отмахивалась от надоедливых доброжелателей, а про себя считала, что всё само собой утрясется безо всякого с ее стороны напряжения. Сколько она на комбинате не появлялась – лет пять? Ну и что? Живет здесь по сей день – и никто ее до сих пор никуда не выгнал. Это вселяло уверенность, что и не выгонят, и будет она так и дальше здесь жить. Тем более что здесь, в родном подъезде, как в деревне – все друг друга знают, в беде не оставят и всегда помогут. Да разве могла Светка, и все мы заодно с ней вместе предположить – разве только в страшном сне, что в скором времени все изменится, и жизнь станет много жестче, и отправит ко дну всех, кто не способен выплыть, и не посчитается ни с чем.

Теперь она металась по подъезду в надежде пристроить свои нехитрые пожитки, что вылетали напрямиком на пол лестничной клетки через распахнутую дверь. Дверь бывшей ее, Светкиной, квартиры. На смерть перепуганный Максимка ревел в голос, и громче сына голосила бесцеремонно вышвырнутая за порог Светка:

- Вы что делаете, вы..., вы..., вы...

В какой-то момент на узкой площадке стало негде ступить от скомканных в беспорядке тряпок, и дверь соседней квартиры приоткрылась, среагировав на истошный Светкин вопль, и сразу захлопнулась в испуге. У самих места мало – куда еще чужие вещи девать. Но откликнулись с пятого этажа бывшие ее соседки – распахали по пакетам, сложили на антресоли, на балкон. И отчего-то виновато заверили:

- Ты только не волнуйся, ничего не пропадет, Свет...

Затем накапали карвалола, заварили чай, успокоили, как могли, и снова надавали советов.

- Ты иди, добивайся, Свет...

И Светка ушла, прихватив с собой Максимку.

Тем временем на лестницу вслед за тряпками полетела никудышная Светкина мебель, и лифт взвыл, проклиная неугомонных жильцов, что норовят впихнуть в него всё и сразу, решительно наплевав на допустимые нормы и габариты, и едва не застрял им назло – где-то между небом и землей, но потом очнулся, что будет только хуже – и ни кому-нибудь, а ему самому. Сейчас разнесут все вдребезги, раздолбят, изувечат до неузнаваемости – он испугался такой перспективы, вздрогнул и тронулся с места, едва не оборвав свои тросы.

А после в бывшей Светкиной комнате мыли полы, расставляли мебель – а затем знакомились и заново делили с новыми соседями общее пространство прихожей и кухни – так, будто ни Светки, ни Максимки никогда не существовало на свете.

- Мы вернулись, ее уже не было. – разводит руками соседка - Может, сейчас сидит у кого – не знаю.

Я поднимаюсь маршем выше – вдвоем с коляской в узкой кабине нам никак не уместиться. В след мне звучит:

- А ты говоришь – ремонт...

2. Муравьиный сон

Ну, слава богу, я дома. Последний вид транспорта – лифт. Он же и первый – это если с утра. Но сейчас вечер, все уже позади - и рабочий день, и все прелести наземного и подземного транспорта, вкуче с посещением магазина. Вот ведь жизнь - вечно как навьюченный осел – жаль, что руки только две. Я брезгую опускать сумки на пол – зассанный, изгаженный - потерплю, осталось немного. Жженую кнопку нашего этажа нужно держать нажатой до конца - если ее отпустить, есть шанс не доехать вообще. Кабина натужно взвыла, напряглась – небось замаялась за целый-то день возить всех туда-обратно. Я тяжело вываливаюсь из лифта. Ставлю сумки возле двери и нажимаю кнопку звонка. Нет сил копаться в поисках связки ключей - и желания тоже нет. Кто-нибудь, да откроет. Народу у нас хватает.

Дочь первой радостно выскакивает в прихожую.

- Мама, мама пришла. – раздается восторженный вопль.

Ради этих минут стоит прожить целый день. И простить ему всю никчемную рутинность. Два растрепанных хвостика мельтешат передо мной – дочь хватается за пакеты – куда ты, тяжело ведь, это не для твоих тоненьких детских рук.

Ленка - копия отец. Всё его – волосы, нос, глаза, даже овал лица – и тот не мой. Наша порода – расплывается в довольной улыбке Сергей. Оно и правда – Елена Сергеевна прежде всего папина дочка. От вечного вопроса с кислым выражением лица – не понял, почему не сын? - минуло восемь лет, и теперь попробуй сказать ему, что сын лучше дочери. Впрочем, никто и не пытается доказать сей постулат, тем более, что это бесполезно. Они живут душа в душу, а я у них просто мама.

Лена лихо потрошит пакеты. Так и мелькает от холодильника к столу и обратно. Но я достаточно хорошо знаю свою дочь – для меня это практически открытая книга, где все написано прямо на титульном листе, то есть, собственно, на лбу. За спешной кухонной толкотней угадывается желание сказать нечто важное, очередная страшная-престрашная тайна. Я вижу - ей не терпится поделиться. Давай, выкладывай, что тут без меня произошло.

- Ой, мам... сегодня показывали... так интересно... про муравьев, мам...

И всего то? Ну, это пустяки. Сами тут, как муравьи – про себя ухмыляюсь я.

- Там яйца - аккуратнее, Лен...

- Да, мам...

Дочь напрягается, извлекает хрупкую упаковку, бережно ставит на стол – получилось, все цело, можно и дух перевести.

- Они... они, если кто-то у них заболит... или без лапки останется, или без усика... они, мам, его не выгоняют и не обижают ничем. – захлебывается от восхищения дочь. – Он дома остается, в муравейнике. Делает, что может, что ему по силам. Подметает, порядок наводит. И все к нему хорошо относятся. Так же он ест со всеми, и живет, и спит...

- Видишь, какие они молодцы. – в свою очередь нахожу нужным восхититься я.

- Да, мам. – подхватывает Лена - Они такие дружные. Совсем ни как люди.

- Ну почему, дочь? Люди тоже не должны обижать слабых.

- Не должны – вздыхает дочь. – Но обижают.

Ее личико становится печально, папины глазки грустнеют. Я откладываю в сторону пакет, опускаюсь на корточки, чтобы ее лицо оказалось напротив моего.

- Кто тебя обидел? – пытаюсь разобраться я.

- Никто. – в уголках ее глаз намечается влага - Мне Максимку жалко... и тетю Свету.

Да, мир не без добрых людей. И стар, и млад – все уже в курсе. Земля слухами полнится и так далее и тому подобное. Нужно срочно сменить тему.

- Как в школе? Ты уроки сделала? – эта своеобразная палочка-выручалочка работает безотказно.

Внимание ребенка переключается сразу – школа это самое важное – ей столько раз об этом говорили.

- Да..., там еще задача... Я папу подожду.

Ох уж эта математика. Впрочем, ребенку осталось продержаться немного. Еще каких-то три недели, и все – каникулы. А там сразу к бабушке в деревню. На парное молоко.

- Ладно, Лен. А то вот-вот тетя Оля придет. Будем тут толкаться.

На нашей кухне, и правда, не развернуться. Потому мы ужинаем по очереди. Кто пришел вперед, тому и карты в руки. Моя задача приготовить поскорее, накормить своих, чтобы уступить место соседке. А чай попить и дома можно – то есть у себя в комнате.

Здесь начинается привычная канитель – картошка, котлеты, еще что-нибудь вкусненькое – может сырников изобразить к чаю? С вареньем. Оно не засахарилось там – дай-ка гляну. Сквозь кухонную суету я едва различаю Леночкин голосок:

- Mam, а сколько у них лапок?

- Доча, что? Не слышу. – у меня шипит сковородка и льется вода – где мне услышать?

Она вырастает в дверном проеме с цветным карандашом вприкуску.

- У них сколько лапок, мам?

- У кого? – тупо спрашиваю я.

- У муравьев.

Ах, да – я и забыла совсем.

- Не знаю... шесть, наверное. Да, шесть. Или... или восемь.

- Так сколько?

- Не знаю, Лен. – мне приходится честно признаться. – У папы спросишь.

Больше разговаривать некогда - нужно торопиться с ужином – наш папа того и гляди, вернется с работы. Естественно, голодный.

Дочка поворачивается и уходит – явно озадаченная. И лишь когда я наконец закончу все дела – никак не раньше 12-го часа ночи – пойму, в чем, оказывается, дело.

Во всю длину альбомного листа, облокотившись на швабру, стоит муравей. То есть, наверное, муравей, потому как назвать по-другому это чудище не приходит в голову. Нижний и самый большой овал фигуры скрыт под кружевным фартучком – как у горничной. Из-под него торчат загогулины – похоже, ноги - слава богу, две.

Под впечатлением от Ленкиных вопросов я считаю лапки-усики у этого гигантского муравья. Итак, две внизу, третьей он держит швабру, четвертая болтается на веревке, что вокруг шеи – похоже, в гипсе – ой-ё-ёй... Еще одну пару лап ребенок явно не знал, куда прилепить - потому никакой пары здесь нет и в помине. Одинокая лапка исходит от пояса и заканчивается ведром. Ну да, логично – где швабра, там и ведро.

Итак, из шести лап одна сломана и одной не хватает – недурно. Усы тоже не в порядке. Их хоть и два, но один явно короче. Поломан – догадываюсь я. Вот бедолага. Без усов еще туда-сюда, но вот без лап... Туго ему придется. Как он собирается полы-то намывать? – я откладываю в сторону рисунок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.